

«АЗ И Я» ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА (ГЕН НЕПОВИНОВЕНИЯ И ГЕН СПРАВЕДЛИВОСТИ)

Маханбет ДЖУСУПОВ

Доктор филологических наук, профессор

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВНИНГ «АЗ И Я» (“АЗ ВА Я”) АСАРИ (САРКАШЛИК ГЕНИ ВА ОДИЛЛИК ГЕНИ)

Маханбет ДЖУСУПОВ

Филология фанлари доктори, профессор

Ўзбекистон давлат жаҳон тиллари университети, Тошкент, Ўзбекистон

“AZ AND YA” (GENE OF DISOBEDIENCE AND GENE OF JUSTICE) BY OLJAS SULEYMENOV

Makhanbet DZHUSUPOV

Doctor of Philology, Professor

Uzbekistan State World Languages University

Tashkent, Uzbekistan mah.dzhusupov@mail.ru

UDC (УЎК, УДК):

811.161.1:655.535.5:81'246.2

For citation (иктибос келтириш учун, для цитирования):

Джусупов М. «Аз и Я» Олжаса Сулейменова (ген неповиновения и ген справедливости) // Ўзбекистонда хорижий тиллар. — 2020. — № 1 (30). — С. 219–236.

<https://doi.org/10.36078/1586145534>

Received: December 12, 2019

Accepted: February 18, 2020

Published: February 20, 2020

Copyright © 2020 by author(s) and Scientific Research Publishing Inc.

This work is licensed under the Creative Commons Attribution International License (CC BY 4.0).

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Аннотация. Статья посвящена анализу и описанию некоторых аспектов книги «Аз и Я», выдающегося поэта, историка, философа, дипломата, человековеда — Олжаса Омаровича Сулейменова, на материале последних научных обсуждений книги, публикаций о её содержании, о её языковедческой и исторической ценности, как независимого от идеологии произведения, выполненного независимым от официальной науки исследователем в лингво-поэтико-историко-философском плане. Книга была издана в 1975 г. в Алматы. После издания она была запрещена, была изъята из библиотек. Автор был обвинен в национализме и пантюркизме. Славяно-тюркский или тюрко-славянский компонент в содержании великого славянского древнего письменного памятника «Слово о полку Игореве» («Слово») официально не признавался, т.е. отрицался, так как считалось, что в ней нет или не может быть тюркизмов, при том, что тесное взаимоотношение славян и половцев (тюрков-кыпчаков) было общеизвестным фактом в истории. Было общеизвестно и функционирование славяно-тюркского и тюрко-славянского двуязычия в период создания «Слова». В статье осуществлен анализ и описание исследователей творчества О.О. Сулейменова, опубликованных в последнее десятилетие по вопросам его научной трактовки о присутствии в памятнике тюркской лексики и придаче ею особенного колорита великой поэме. Книга породила ген неповиновения и ген справедливости, которые в совокупности отражают реальную идеологическую и научно-историческую ситуацию в период её написания, публикации и обсуждения в коридорах идеологической власти и официальной науки.

Ключевые слова: «Аз и Я»; книга; письменный памятник; тюркизмы в славянской строке; билингвизм; идеология; запрет; ген неповиновения; ген справедливости.

Аннотация. Мазкур мақолада шоир, тарихчи, файласуф, дипломат, инсоншунос — Олжас Омарович Сулейменов қаламига мансуб “Аз и Я” (“Аз ва Я”) китобининг айрим жиҳатлари таҳлили ва тавсифига бағишланади. Унда китоб юзасидан олиб борилган сўнги илмий мушоҳадалар, унинг мазмунига оид нашр қилинган ишлар, шунингдек, тадқиқотчи томонидан расмий илм-фанга боғлиқ бўлмаган лисоний, назмий, тарихий ҳамда фалсафий планда бажарилган, мафкуравий тобеликдан холи асар сифатида унинг тилшуносликка оид ва тарихий қиммати тўғрисидаги материалдан фойдаланилган. Китоб 1975 йил Олмаотада чоп қилинган. Нашрдан сўнг эса тақиқлаб қўйилган ҳамда кутубхоналардан олиб ташланган. Муаллиф миллатчилик ва пантуркистликда айбланган. Қадимги славян тилидаги буюк ёзма ёдгорлик «Слово о полку Игореве» («Слово») (“Игорь полки ҳақида сўз”) таркибида мавжуд славян-турк ёки турк-славян компонентлари расмий тан олинмас, яъни инкор қилинарди, зеро славянлар ва туркий қипчоқларнинг ўзаро яқин алоқаси тарихда барчага маълум факт ҳисобланишига қарамай, унда туркий сўзлар йўқ ёки бўлиши мумкин эмас деб ҳисобланарди. Шунингдек, “Игорь полки ҳақида сўз” асари яратилиш даврида славян-турк ва турк-славян икки тиллигининг мавжуд бўлганлиги ҳам сир эмас эди. Мақолада О.О.Сулейменовнинг мазкур ёдгорликда туркий лексиканинг мавжудлиги ва унинг мазкур поэмага ўзига хос колорит бағишлаши тўғрисидаги илмий талқинлари масалалари бўйича сўнги ўн йилликда нашр қилинган тадқиқотчилар ишлари таҳлили ва тавсифи амалга оширилган. Китоб саркашлик гени ва одиллик генини дунёга келтирди: асар ёзилиши, чоп этилиши ва муҳокама қилиниши давридаги мафкуравий ҳукумат ҳамда расмий илм-фан доирасидаги ҳақиқий мафкуравий ва илмий-тарихий вазиятни акс эттиради.

Калит сўзлар: «Аз ва Я»; китоб; ёзма ёдгорлик; славянча мисралардаги туркий сўзлар; билингвизм; мафкура; тақик; саркашлик гени; одиллик гени.

Abstract. The article is devoted to the analysis and description of some aspects of the book “Az and Ya” by an outstanding poet, historian, philosopher, diplomat, human scientist — Olzhas Omarovich Suleimenov. It is based on recent scientific discussions of the present book, publications on its contents, linguistic and historical value. The article regardless from the ideology of a work performed by a researcher independently of an official science in a linguistic, poetical, historical and philosophical plans. The book was published in 1975 in Almaty. After the publication, it was later banned, and was removed from the libraries. The author was accused of nationalism and pan-Turkism. The Slavic-Turkic or Turkic-Slavic component in the content of the great Slavic ancient written monument “The Word of Igor’s Campaign” (“Word”) was not officially recognized, i.e. denied. It was believed that it (“Word”) did not or could not contain Turkisms, despite the fact that the close relationship between the Slavs and the Polovtsy (Kipchak Turks) was a well-known fact in history. The existence of Slavic-Turkic and Turkic-Slavic bilingualism during the creation of the “Word” was quite evident. The article analyzes and describes the researchers on O.O. Suleimenov’s works, published in the last decade on the issues of his scientific interpretation about the presence of Turkic vocabulary in the above-mentioned monument and giving it a special delight to the great poem. The book gave rise to the gene of disobedience and the gene of justice, which together reflect the real ideological and scientific and historical situation during the period

of writing the present book, publication and discussion in the passages of ideological and scientific-historical condition.

Keywords: “Az and Ya”; book; written monument; Turkisms in the Slavic line; bilingualism; ideology; prohibition; gene of disobedience; gene of justice.

Введение. В 1975 году была опубликована в Казахстане, в г. Алматы книга Олжаса Омаровича Сулейменова «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя» (22) в издательстве «Жазушы» тиражом в 100 000 экземпляров. Книга состоит из двух частей. В первой части книги автор анализирует древнерусский памятник письменности «Слово о полку Игореве» с научной и с поэтической позиции, доказывая в нём наличие тюркской лексики, понятий, традиций. Во второй части книги говорится о значимом месте в истории человечества тюркских народов, которые, по научному воззрению О. О. Сулейменова (и не только по его), восходят к шумерам и являются одним из серьезных компонентов во всемирной истории, культуре, созданного человеческим обществом.

Настоящая статья посвящена некоторым аспектам истории, анализа и оценки содержания 1-ой части книги — о тюркизмах в «Слове о полку Игореве». После выхода книги «Аз и Я» она была запрещена, изъята из библиотек, т.е. арестована, а автор книги официальной советской наукой и идеологией был обвинен в национализме и в пантюркизме, в дилетантстве и во многих других грехах, которых у него не было (8, 257; 10, 203–210).

Мнения исследователей и рядовых читателей книги «Аз и Я» и сходятся, и расходятся: 1) первые категорически научную позицию О.О. Сулейменова отвергают; 2) вторые категорически научную позицию О.О. Сулейменова поддерживают; 3) третьи занимают категорически нейтральную позицию: да, может быть, его научная концепция правильная; да, может быть, его научная концепция неправильная. Именно поэтому эта книга — книга-долгожитель, порождающая дискуссии за дискуссией и дискуссии о дискуссии.

Книга «Аз и Я» и научная концепция автора не являются последней инстанцией в исследовании «Слова». В книге наблюдаются некоторые собственно-лингвистические недочеты, но они касаются некоторых деталей объяснения чередований звуков, фоновариантности морфем, натянутости некоторых семантических аспектов языковой единицы, но в целом, а во многом и в частностях содержание книги, научная позиция О. О. Сулейменова высоко и глубоко новонаправленные, в лингвоисторическом плане объективные, доказуемые, маркированные правдой науки и истории.

После распада СССР и плавного формирования СНГ книга была переиздана в Москве, уже в XXI веке. С автора молча были сняты необоснованные обвинения официальной науки и идеологии. Эта книга всегда вызывает большой интерес читателей, так как, по определению многих ученых и государственных деятелей, поэтов, писателей, культурологов и историков из Европы, Азии, Америки, она на века, что и через 100, и через 200, и через 300 лет исследователи будут возвращаться к книге, чтобы читать, анализировать, сравнивать.

В последние годы был ряд публичных научных обсуждений этой книги, как на мировых международных форумах, научных конференциях в Москве, в Карловых Варах, так и на страницах известных научных журналов (9, 410–421; 17, 406–409) и др.

Работы крупных ученых, писателей, поэтов, писавших в то время в защиту содержания книги о справедливости такого научного билингвального подхода к пониманию сути содержания «Слово о полку Игореве», не публиковались. Определенная часть таких работ была опубликована в 2016 и 2018 гг. в издательстве «Художественная литература» в Москве в двух книгах (14, 496; 15, 448).

О. О. Сулейменов — выдающийся поэт, ученый, дипломат, философ, человекоед. В последние несколько десятилетий им были написаны и изданы крупные научные работы, касающиеся истории всего человечества в прошлом, в настоящем и в будущем, его генетического единства в древности как по звуковому языку, так и письменному языку. Эти работы носят лингво-поэтико-историко-философский характер: Язык письма. Взгляд в доисторию — о происхождении письменности и языка малого человечества, 1998 (27); Пересекающиеся параллели, 2004 (25); Тюрки в доистории, 2002 (26); Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь «1001 слово», 2014 (22).

Его книга «Аз и Я», по мнению М. Тлостановой, «... фортель неповиновения...», она «...пробуждала ген неповиновения...» (28, 419–420). Этот ген неповиновения породил ген справедливости, а ген справедливости породил ген неповиновения. В этом и заключается одна из основ долгой, «длинной» жизни книги «Аз и Я», устремленной в будущее на основе демонстрации видения и прочтения прошлого и настоящего.

Основная часть. Высокая лингво-поэтико-историко-философская позиция

Выдающийся поэт, гуманист Константин Симонов в августе 1975 г., после чтения «Аз и Я», написал небольшую статью «В поддержку поэта» и стихотворении, которые опубликованы в 2016 г. Поэт признал научную правду О. Сулейменова, представленную в книге, думает о его дальнейшей судьбе и предостерегает от возможных в будущем неприятностей:

Страна моя родимая,
Такие мы нерадивые,
Как будто ты не родимая,
Мы в поисках за правдою
Все где-то за Непрядвою,
За Калкой, за Каялой...,
А рядом пруд стоялый,
Пруд кривды современной,
Вот так, брат Сулейменов!
Спасибо, что напомнили,
Дай бог, чтоб верно поняли! —
Не потащив на плаху
От имени Аллаха! (20, 290)

После публикации «Аз и Я» в 1975 г. О. О. Сулейменовым и после его выступления о необходимости реабилитации репрессированных народов в 1989 г. и раньше, и после создания им антиядерного движения «Невада — Семей» у определенной части людей еще в памяти был 1937 г., когда за такую книгу и за такие выступления «вели на плаху». Именно от этого и остерегает О. Сулейменова великий его брат по перу — поэт К. Симонов и просит Бога, чтобы в верхах правильно поняли суть книги «Аз и Я».

Времена уже были другие, но не полностью.

История написания О. Сулейменовым книги «Аз и Я», последующее ее обсуждение с запретом книги, изъятием из библиотек и т.п., создание антиядерного движения «Невада — Семей» с целью закрытия атомного полигона в Семипалатинске и вопрос, поднятый им на Сессии Верховного Совета СССР о реабилитации репрессированных, депортированных народов, являются результатом его внутреннего и внешнего Прочеловеческого состояния защиты человека, который заслуживает высоко человеческого отношения к себе, так как он, человек, создает ценности, защищает землю, родину и заботится о другом человеке. Олжас Сулейменов — Высокий Человек, думающий о Человеке и Человечестве и строящий свою жизнедеятельность на основе высших гуманистических принципов защиты человека.

О том, что в «Слове» присутствовали тюркские слова, чувствовали многие исследователи поэмы. Но объяснить не могли по трем основным причинам:

- 1) непонятные слова (которые были тюркскими) искали в славянских языках, чтобы понять их смысл, но не находили;
- 2) непонятные слова не могли признать тюркскими в силу того, что, по их мнению, так не должно быть, или верили в «закрытость» темы .... (тюркизмы в «Слове») как на последнюю инстанцию научной истины;
- 3) исследователи не были тюрко-славянскими и славяно-тюркскими билингвами.

В 1976 Мурат Ауэзов написал статью «Осенний выдохом вечности — словом» в защиту книги «Аз и Я», ее автора, впервые опубликованную в 1996 г., в которой он пишет: «Перед нами — выдающееся произведение. О. Сулейменов предстает в ней в величии своего интеллекта, редчайшей культуры художественного и научного мышления, высоконравственного мировоззрения. Обостренное чувство справедливости и мужественная, бескомпромиссная борьба против “тупого попра́ния в сфере историко-философских наук” определяют его этическую позицию...» (1, 52). Далее он предсказывает, что «...книге суждена большая биография» (1, 59). В то время, когда книгу и автора оценивают только в негативе, М. Ауэзов определяет книгу как выдающееся произведение, а автора — как человека с величайшим интеллектом.

Выдающийся советский, российский поэт, прозаик, ученый Сергей Марков занимался историей языка. После бесед с О. Сулейменовым в 1970 году он посвятил ему стихотворение, которое называется «Карна и Жля». Эпиграф к стихотворению взят из «Слова»: «За ним кликну Карна и Жля, Покоси по Русской земли...».

Я мерил жизнь (и этим горд!)
И на степной салтык;
Живя в стране трех древних орд,
Я слышал их язык.
В бессмертном «Слове о полку»,
Как буйная трава,
Вросли в славянскую строку
Кыпчакские слова.
На них таинственный покров
Набросили века...
Я раскрываю тайну слов

Чужого языка!
 Кыпчакским полчищам верна,
 Поднявшись над бугром,
 Огромная труба — Карна
 Извергла медный гром.
 От грома вздрогнула земля
 И ринулись, звеня,
 Жалын — желеу или Жля —
 Завеса из огня.
 Еще напишет в добрый час
 О пламенной строке
 Мой юный друг — кыпчак Олжас
 На русском языке! (12, 204–205).

Итак, еще за 5 лет до выхода книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я» Сергей Марков пишет такое стихотворение, в котором функционирование тюркизмов в «Слове» бескомпромиссно выражено в поэтических строках. Но официальной науке СССР по этому вопросу это не нужно было. У официальной науки была одна незыблемая позиция: тюркизмов в «Слове» не может быть, потому что это славянский письменный памятник, а следовательно, тюркизмов в нем нет. Реальная картина истории взаимоотношения половцев (кыпчаков) и славян по версии официальной науки было или не было неизвестно или малоизвестно, а если и было, то оно бесследно, и не следует это рассматривать как серьезную научную проблему.

Герой Украины, лауреат Государственной премии СССР, поэт, политический деятель Борис Олейник признает не только функционирование тюркизмов в славянских языках, в письменных памятниках, но и генетическое родство определенной части славян и тюрков.

В его статье об Олжасе Сулейменове «Величальная побратиму» это выражено в стихотворении «Общность». Лирический герой просыпается от страха и неожиданности, так как он во сне видел себя у могилы Чингисхана. Ему из-под земли «слуховые миражи» сказали, что полынь степная не раскрывает секрета, «где хан нашел себе покой».

Общность

Олжасу Сулейменову

Внезапный ужас смел меня с дивана,
 когда во сне — яснее, чем в кино
 увидел я могилу Чингисхана —
 ту, что живущим видеть не дано.
 Я огляделся: я стою в пустыне —
 ни бугорка, ни знака, ни души.
 И, вдруг, как слуховые миражи,
 Из-под земли — слова ... аж сердце стынет!
 — Тебя не ум, а сердце привело
 на эту в травах скрытую могилу.
 Здесь столько душ, стремясь к успеху шло,
 Но тем, кто верит схемам, а не богу,
 на нет все их усилия свело.
 Нет, ты не первый. Был один такой,
 что здесь искал Чинзисову могилу.
 Но и ему полынь не приоткрыла

секрет, где хан нашел себе покой.
Я вспомнил имя гордое — Олжас,
и взгляд его, где отражаясь зримо,
по полю битвы, среди стрел и дыма,
на колеснице я летел, кружась.
И вот в пустыне, глядя во тьму веков,
где слово общих прадедов звучало,
мы прозреваем общее начало
в глазницах запорожских казаков
(Перевод с украинского Н. Переяслова) (13, 220–221).

Для официальной науки все это поэзия. Олжас Сулейменов — тоже поэт. Руководство СССР и Академия наук жестко «разобрались» с Олжасом Сулейменовым. Если бы не личная защита руководителя Казахстана Динмухамеда Кунаева, его переговоры по этому вопросу лично с Леонидом Брежневым, то Олжасу Сулейменову было бы совсем плохо, что отразилось бы в различных слоях советского общества прежде всего не в пользу власти и партии, которые руководили государством.

У Советского Союза, у Академии Наук было много положительного в сравнении с государствами капиталистического строя (равноправие в распределении материальных ценностей, в системе образования, науки, искусства, спорта, в партийной системе, в системе подготовки национальных кадров и др.), но в этом вопросе — в вопросе исследования великого «Слова о полку Игореве» и по другим письменным памятникам славяноведения в основном была такая мононационально-языковая, идеологическая и научная позиция.

Все исследователи творчества О. Сулейменова обязательно обращаются к книге «Аз и Я» и многие «обвиняют» советскую партийную систему и Академию Наук, которые неправильно поняли книгу или не хотели ее правильно понимать.

Писатель, переводчик, председатель Союза русскоязычных писателей Израиля, в прошлом однокурсник О. Сулейменова по Литературному институту им. Горького в Москве Давид Маркиш писал о высокой значимости книги «Аз и Я» и ее автора, что «будь на месте Олжаса русский человек, «свой» — такой скандал не разразился бы: ну, пожурили бы «охальника», указали бы на ошибки... А тут половец, древний степной вражина, замахнулся на святое» (11, 201). Далее Д. Маркиш продолжает, что суть дела в том, «что он первым осмелился сказать во весь голос: воевавшие с Древней Русью степные народы в полной мере обладали чувством чести, собственного достоинства и боевой отваги. Это утверждение в корне противоречило азам... пропаганды, ... что все без исключения воины Великой степи — отъявленные головорезы и бескультурные дикари. Вместе с тем, эта пропаганда, разумеется, умалчивала, зачем русские князья искали себе невест в ханских ставках Степи, а тюркские наречия были ... вторым языком на Руси (Французский пришел потом, позже...)» (11, 202).

Как и многие другие авторы работ об О. Сулейменове, Д. Маркиш заключает, что, если бы автор «Аз и Я» не был бы «...изначально поэтически мыслящим человеком», она «... не была бы написана. Или была бы совсем другой». «...Грозный резонанс ... рассуждений кроется в творческой мощи автора, в его литературном даре. Не будь его — выстрел не был бы услышан» (11, 201–202).

Позиция Д. Маркиша, что для верхов О. Сулейменов был человеком из окраины (хоть и поэт), согласуется с мнением М. Тлостановой и др.

Таким образом, в отношении «Слова», «Аз и Я» и к его автору — О. Сулейменову имеются разные научные, общегуманитарные, литературоведческие, языковедческие мнения. В отношении книги «Аз и Я» О. Сулейменова, как правило, дается высоконаучная, высокогуманитарная оценка, за исключением мнения власти и официальной науки того времени.

Одной из нестандартных точек зрения в толковании «Слова» является научная позиция известного украинского поэта, переводчика, литературного критика, политического деятеля, дипломата Дмитрия Павлычко и в целом многих украинских исследователей «Слова», которые определяют поэму как письменный памятник древнеукраинского языка, а не древнерусского.

Д. Павлычко в статье «Мое слово Олжасу» пишет, что «поэзия Олжаса Сулейменова — глубинная, философская, лирическая, формировалась под знаком протеста, несогласия с казенным советским описанием. ... Олжас Сулейменов привнес не только в ... советскую, но и в мировую философскую поэзию Дух Востока...» (16, 229). (О мировой значимости О.О. Сулейменова написано много как в бывшем СССР и в современном СНГ (5, 10–19; 7, 519–530; 6, 379–387; 3, 282), так и в Америке, Европе, Азии (29, 416; 15, 448; 14, 496). Так, известный французский ученый Л. Рабель пишет: «Олжас Сулейменов, по моему убеждению, сегодня — один из самых значительных поэтов современности... Его поэтический материк — это целый мир, в котором он мысленно со страстью обзрывает современные очертания и самые глубокие и древние истоки. Он делает это с ликованием, несравненной изобретательностью, включая одновременно все регистры (18, 327–328). Другой французский исследователь Ф. Сальвень пишет, что поэзия О. О. Сулейменова «Ясная и в то же время мистическая поэзия, которая сжигает тягучей мелодией свирели физическую плотность природы» (19, 19). Их дополняет другой французский ученый А. Боске: «Убежденный азиат, геолог, который думает категориями вечности, поэт, который не забывает о потустороннем мире, Олжас Сулейменов пересекает вскачь пространство современной лирики» (4, 11).

Давая оценку книге «Аз и Я», Д. Павлычко отмечает, что О. Сулейменов явился, прежде всего, как изумительный историк Киевской Руси, что его заслуга не только в том, что правильно прочитал и объяснил темные места «Слова», но и в том, что открыл историческую действительность того времени, когда многие киевские князья находились в родственных отношениях с половцами (тюрками-кыпчаками). Д. Павлычко прямо говорит, что Олжас Сулейменов проложил дорогу историкам Украины и России к пониманию неоднозначной природы Московского княжества, что его слова «тюркские включения придают речи «Слова» особый колорит и вкус...» — истина истины (16, 230).

Автор статьи пишет: «Жаль, Сулейменов не сказал, что «Слово» насыщено современной украинской лексикой и многими видными учеными, филологами признано памятником древнеукраинского языка... Однако же он сказал, что «Слово» — это чаша днепровской воды! Спасибо, дорогой Олжас!» (16, 230).

Д. Павлычко далее рассуждает о том, что, видимо, неотнесение О. Сулейменовым «Слова» к памятникам древнеукраинского языка

помогло ему уйти от обвинения в украинском национализме, когда его обвиняли в казахском национализме» (16, 230).

Итак, «Слово» порождало дискуссии не только в плане билингвистических (славянских, тюркских) особенностей, но по вопросу отнесения его то ли к русскому (по сложившейся традиции), то ли к украинскому памятнику письменной культуры.

Олжас Сулейменов к этому (второму) вопросу подходит как к памятнику славянской письменности, в большей степени оперируя материалом русского языка.

На наш взгляд, «Слово» следует определить как славянский памятник, а внутри него как восточнославянский, одинаково относящийся и к русской, и к украинской, и к белорусской культуре, истории, языку и литературе.

Большая, серьезная часть исследователей, политиков, поэтов, писателей, государственных деятелей, крупных журналистов бывшего СССР, Европы, Америки, Азии и постсоветского пространства пишут о том, что его работа «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя» (22) является одной из книг, подготовившей распад Советского Союза, и уверенно включают ее в список пяти основных книг (стоит второй), содержание которых, по их мнению, подготовило людские умы к согласию о возможности расформирования самой крупной, самой мощной империи XX века — СССР.

Касаясь этой глобальной проблемы, известный журналист Афанасий Мамедов в беседе (интервью) с литературоведом и прозаиком, доктором филологических наук, профессором Российского университета дружбы народов, профессором Российской академии народного хозяйства и Государственной службы при президенте Российской Федерации Мадинай Тлостановой задает такой вопрос: «Как вы думаете, почему эта книга, в которой ничего не говорится о диссидентах, сталинских лагерях и психушках, безобидная книга поэта-интеллекта о «Слове» и его происхождении, вошла в знаменитую пятерку книг, которые подготовили перестройку сознания советского человека перед горбачевскими реформами?» Мадина Тлостанова подробно, широко и глубоко рассматривая проблему, отвечает серьезными умозаключениями (даем в сокращении): «...Сулейменов ... представитель местной колониальной интеллигенции, нерусский писатель советской империи, благосклонно принятый режимом, ... не выходил за рамки советской национальной литературы, ... был воспитан на русской культуре, безоговорочно считавшейся в СССР образцом для всех остальных, ..., не посягая на иерархию культурных ценностей, установленную в СССР. «Аз и Я» же представляла собой ... фортель неповиновения, ... смысл которого совершенно четко уловили власть и придерживавшие благородные читатели, в которых эта книга пробуждала ген неповиновения, утверждения человеческого достоинства, право помнить собственную историю, культуру, язык, не сосланные на задворки мира, а вернувшиеся на свое законное место. Но у этой книги было еще и глобальное измерение, тем более удивительное, если учесть обстоятельства железного занавеса и отсутствие доступа советских людей к мировым достижениям науки и искусства и т.д.» (28).

Итак, было недоумение, возмущение: как этот окраинный из окраины появился в этой сфере? Как смеет тот, кого мы научили, трогать святая святых — «Слово»? Да еще трогать в своих тюркоязычных интересах. Ведь чего нет, того нет.

Олжас Сулейменов никогда не считал себя окраинным. Он всегда был на равных, а во многих вопросах превосходил «центральных». Это был не просто характер, не только традиционная гордость номада-казаха, но и, прежде всего, это были энциклопедические знания, которые он с гениальным интонационным, ритмическим, логическим блеском может изложить, довести до ума других (вложить в их умы).

В своем интервью М. Тлостанова далее говорит, что «наконец, и это может быть самое главное, «Аз и Я» прослеживает траекторию рождения нового «я», является своеобразной духовной автобиографией, в которой главный герой — автор-рассказчик проходит путь от попытки интеграции в господствующую традицию, от поначалу робкого требования признания своего участия в искаженной истории (в первой части книги) до гораздо более смелой и радикальной позиции переписывания уже всемирной истории ради вычленения в ней особой линии тюркских народов, культур, языков» (28, 418).

Рассуждения, аргументы, умозаключения М. Тлостановой — это правдивая правда о правде истории, которая изложена автором в «Аз и Я», и доказательство того, что эта книга, независимо от того, думал об этом или не думал О. Сулейменов, действительно, перевернула представления многих граждан СССР о правде истории, культуры и языковых взаимоотношений в аспекте полилингвокультурности и транскulturности толкования Поля и Руси, что должно найти свое отражение в той общественной, культурной и, самое главное, научно-исторической, филологической, философской жизни советского общества в противовес устоявшимся неопозитивным европоцентристским традициям, сформированным в умах.

Мнение М. Тлостановой согласуется с мнением многих других исследователей и просто читателей «Аз и Я». Однако форма изложения (диалого-монологическая), лексическое богатство, семантико-стилистическая палитра, инновационность духовного сознания, широкая и высокая эрудиция автора выделяют в особый ряд ее интервью-статью.

Именно эти качества привели М. Тлостанову к определению «Аз и Я» как фантазию-медитацию и как манифеста на историко-культурные темы. При этом, по ее мнению, книга остается филологический, культурологической, научной и философской (28, 418).

Мы хотим высказать свое дискуссионное мнение по двум положениям, высказанным М. Тлостановой.

1. Обращаемся к фрагменту контекста «...от поначалу робкого требования признания своего участия в искаженной истории (в первой части книги)», то есть речь идет о той части книги, в которой анализируется «Слово». Наша точка зрения несколько иная. Мы считаем, что в словосочетании «робкого требования», вместо слова «робкого» желательно было бы использовать такие слова, как «неробкого», «аргументированного», «обоснованного». Ведь основной «научный скандал», буря эмоций и негодований, буря восхищений и молчаливое согласие и с первыми, и со вторыми, молчаливый нейтралитет в большей степени породила именно первая часть книги, посвященная анализу «Слова», так как на равные позиции со славянами, со славянским языком были выдвинуты тюрки, тюркские языки, что недопустимо было даже в социалистическом государстве, но с имперским взглядом на окружающий живой и неживой мир, так как в сознании «генералов науки» (М. Тлостанова) были сформированы стереотипные психообразы с другим смысловым содержанием: нет тюркизмов в «Слове». А оказалось, что есть,

и не просто есть, не просто присутствуют, а полноценно функционируют, обогащая содержание, стилистику, объем смысловой палитры, формируя «Слово» не только монолингвистическим текстом, но в определенной степени и билингвистическим текстом (славянский, тюркский) на славянском языке. Таким образом, не получается — чего нет — того и нет, а получается — что есть, то и есть. Такое реальное видение «Слова» позволяет нам сделать заключение о том, что обе части книги (о «Слове», о шумерах и тюрках), а не только вторая, являются смелыми и радикальными как с научных позиций, так и с позиции методики, семантики, стилистики изложения, искрометности мышления. В данном случае мы говорим в целом, а не в частностях. Безусловно, справедливым является то, что М. Тлостанова утверждает о второй части книги, что она касается уже всемирной истории и поэтому, на наш взгляд, она не представлялась для определенной части представителей славяноведения в целом и исследователей «Слова» в частности как «оскверняющая» их научные концепции.

2. Обратимся к следующему фрагменту контекста интервью-статьи М. Тлостановой: «С моей точки зрения, Сулейменов прекрасно знал, что делал, какой серьезный подкоп под советскую идеологию, в том числе и научную, совершал. Но, живя в СССР в эпоху застоя, он понимал, что прямо говорить о том, что его волновало, было нельзя, поэтому выбрал беспроегрешный прием — притворился непонимающим, якобы искренне недоумевающим: отчего это уважаемые академики не хотят видеть истину и пересматривать свои заскоружные научные миры. Отсюда и лукавство, и хитрость трикстера, пронизывающие всю эту непростую книгу» (28, 419).

В целом мы согласны с выводами автора. Да, вся эта книга непростая. Да, содержание всей этой непростой книги нестандартное, нетрадиционно пронаучное, то есть она была, действительно, во многом не разделяющая позиции традиционных исследователей «Слова», взаимосвязей шумеров и тюрков.

На наш взгляд, О. Сулейменов, создавая книгу, отдавал себе отчет в плане антитрадиционности ее научного содержания, методики исследования. Он создавал книгу с позиции нового видения проблемы, что дало и новые результаты научного поиска в плане билингвальности создателя «Слова» и билингвальности самого текста. Можно ли это называть подкопом под советскую идеологию в целом и под научную в частности? О. Сулейменов не планировал свою работу как антисоветскую, как подкоп. Он не был сторонником распада СССР. Он был за сохранение СССР, но в новой идеологической, экономической и другой интерпретации. На наш взгляд, это ему виделось в следующем формате: полная независимость республик как самостоятельных государств с ментально-национальной ориентацией в условиях многоязычия и поликультурности как внутри республики, так и внутри союза при едином экономическом производстве, коммуникационной взаимозависимости, т.е. с рыночной конкуренцией (капиталистический либерализм) со справедливым распределением доходов среди населения (социалистическая справедливость). Это было подобие нынешнего Европейского Союза, который возник позже.

О. Сулейменов не притворялся непонимающим, он не понимал позицию «генералов науки», так как он всегда был в динамическом состоянии саморазвития, то есть он никогда не находился хоть малое, непродолжительное время в состоянии статики, что может привести исследователя к застою, а следовательно, к преданности тем идеям и

стандартам, которые были ранее разработаны и даны обществу ученых как единственно правильные, никогда не подлежащие не только серьезным изменениям, но даже и незначительным интерпретациям в рамках устоявшихся традиционных научных стандартов. Конечно же, не вся советская наука была такой, но в отношении изучения «Слова» и в отношении истории тюрков она была такой — стандартно-забетонированной.

На наш взгляд, в «Аз и Я» Олжас Сулейменов не лукавит, не хитрит. Лукавство и хитрость в науке не могут сделать произведение выдающимся, талантливым. Лукавство и хитрость в работе выпукло просматриваются, если не сегодня, то завтра. Книга не пронизана лукавством и хитростью: комплексный подход (язык, литература, история, философия и, конечно же, поэзия) по-своему формирует и содержание, и архитектуру книги, что по многим параметрам делает ее нестандартной, такой, какая она есть, без лукавства и без хитрости. Казахскому национальному менталитету и в устной, и в письменной, да еще в научной речи совершенно неприемлемы лукавство и хитрость. Книга имеет прямую направленность.

Вернемся к работе Константина Симонова. Он в своей статье «В поддержку поэта» и в стихотворении 1975 г., которые впервые опубликованы в 2016 г., отмечает, что книгу «прочел не быстро, за неделю. Эта книга быстро не читается», что по ее лингвистической части не будет высказываться, так как «... не сведущ», но «по общим принципиальным вопросам...» готов принять участие на стороне книги и автора в предстоящих баталиях (20, 289).

К. Симонов выделил следующие положения: 1) смелость ума; 2) блестящее двуязычие; 3) талантливость находок и догадок; 4) жесткий и в то же время совестливый подход к истории и, что «самое главное, справедливый, отмеченный печатью национальной гордости и печатью национального самосознания, и печатью того взгляда на вещи, при котором интернационализм и историческая справедливость становятся синонимами... Книга ваша, ..., малость резковатая» (20,289).

Конечно же, К. Симонов в своем высказывании констатирует то, что увидел в книге и осознал, и на передний план выдвигает смелость ума, талантливость, жесткость и справедливость суждений, национальную гордость, национальное самосознание, интернационализм и историческую справедливость. Во всем этом поликомплексе научных воззрений лукавство и хитрость неприемлемы. Они бы испортили книгу.

Существует мнение о том, что О.О. Сулейменов был первым двуязычным читателем «Слова», поэтому для него двуязычные части поэмы хорошо просматриваются. Конечно же, он не был простым первым двуязычным читателем поэмы. «Слово» читало много билингвальных читателей (как в прошлом, так и в настоящем) как ученые исследователи (2), так и ученики школы, студенты, аспиранты, рабочие, крестьяне и т.д., так как поэма включена в программы средней и высшей школы.

Всё зависит от того, с какой целью читается «Слово» и в целом любое другое произведение: с целью обычного познания; с целью выполнения программы обучения; с целью научного исследования и описания его результатов. Последний вид чтения имеет научную методологическую базу. Это: направление научной школы; область научных интересов исследователя; научные установки, которых придерживается исследователь: а) с целью расширить, углубить уже известное в этой области науки; с целью научно-популярного объяснения

над каменной плитой
 изогнутой лекалом мысли
 ЗВУК (24, 300).

Заключение. Каждая книга имеет свою судьбу. Книга — не одушевленный предмет, но в ней всегда идет речь об одушевленных предметах и, прежде всего, о человеке и его деяниях.

Великая поэма «Слово о полку Игореве» о человеке, о людях, об их походе, цель и задачи которого трактуются, с одной стороны, в национально-патриотическом понимании (хотя в то время не было деления восточных славян на русских, украинцев, белорусов), с другой стороны, — на феодальном — соответствующем экономико-формационному устройству общества того времени. Разное видение и прочтение одного и того же исторического письменного памятника объясняется тем, что: первые являются генетическими носителями языка-памятника (и, как правило, монолингвы); вторые являются билингвами, владеющими тюркским и русским языками. Для второго (или для вторых) тюркский компонент в «Слове» просматривается и даже выпукло просматривается. Для первых эти места становятся затемненными, труднодоступными для объяснения. Они их не относят к тюркизмам, а ищут им объяснения в основном в русском языке. Тюркизм и поэтический дар Олжаса Сулейменова в синтезе с его русизмом позволяет ему увидеть то, что не видно русскоязычному монолингву и объяснить тюркский элемент в «Слове» как с позиции собственно лингвистического, так и с позиции историко-социолингвистического взаимоотношения славян и половцев (тюрков-кыпчаков) в до, в период и после создания билингвальным автором великого билингвального письменного памятника — «Слово о полку Игореве».

В конце 1976 года мы с моим научным руководителем по кандидатской диссертации, доктором педагогических наук, профессором (в то время кандидат филологических наук) Бельдяном Валерием Михайловичем написали статью о книге «Аз и Я» и отправили в журнал «Простор» в Алматы. Статья не была опубликована, рукопись нам не вернули. В то время компьютеров, ксероаппаратов не было, печатали на пишущей машинке «Украина-2». Копии статьи нет. В 1978 году, ваш покорный слуга, написал стихотворение (рифмоупражнение) как ученик, выполняющий письменное задание, которое предлагается ниже.

Он знает всё: от Аз до Ятя,
 Славян, шумеров, каганат,
 Славянский князь кыпчакам в зяти,
 Кыпчакский бек славянам — сват.
 Читает стих по-чагатайски,
 Орхонский шрифт озвучил с плит,
 Он в «Слове» смысл увидел тайный,
 Хоть запрещал всем замполит.
 В Олжасе трепет аргамакский
 Копьем перо в его руке.
 Он все идеи по-казахски
 На страстном русском языке. (Джусупов Маханбет)

«Слово о полку Игореве» было объектом научных исследований и рядовых, и знаменитых славистов. Копию XVIII века, переписанную и «досозданную» переписчиком на основе копии XVI века (оригинал XII–

XIII века до нас не дошел), многие специалисты переводили на современный русский язык. «Переводов «Слова» насчитывается буквально сотни» (21). В тексте «Слова» было много темных мест, которые разные переводчики объясняли, интерпретировали по-разному, не подключая тюркоязычный аспект. А. Сладков пишет: «А потом произошло пришествие Олжаса Сулейменова. Этот казахский Чингизхан от филологии устроил славистам такой разгром под Калькой, что они не могут отойти от потрясения до сих пор. В своей книге «Аз и Я» Сулейменов разобрал большинство темных мест «Слова» — легко, непринужденно..., убедительно..., оказывается это произведение написано на... русско-славянско-половецко-кипчакском,... т.е. кишмя кишит тюркизмами, которые автор вставлял в текст с той же непринужденностью, с которой сегодняшний менеджер говорит об офшорах, стартапах и прочих краудсорсингах» (21). Многие непонятные (темные) места в тексте «Слова» объясняются тюркским взглядом на содержание текста, т.е. в то время функционировали активные славяно-тюркский и тюркско-славянский билингвизмы. «Смысл всего произведения в результате этих многочисленных изменений оказался кардинально новым, текст — почти неузнаваемым» (21). Далее А. Сладков заключает, что «... с тех пор ни одного нового перевода «Слова», ни одной серьезной работы о нем больше не выходило. Потому что писать о нем, не принимая во внимание правок Сулейменова теперь невозможно. А признать их нестерпимо обидно» (21).

Итак, тюркский компонент в истории славян официальная историческая и языковедческая наука закрывала, особенно то, что касалось памятника «Слово о полку Игореве», как закрывали кипящий котел его прочной крышкой. Олжас Сулейменов эту крышку снял и доказал, почему содержимое котла кипит и издаёт звуки на двух языках, на двух культурах — славянской и тюркской, потому что в то время славяне и половцы (тюрки-кыпчаки) братовались, рождались (сватались), одинаково хорошо говорили на двух языках, что отразилось и в тексте великой поэмы.

Использованная литература

1. Ауэзов М.М. Осенний выдохом вечности — словом // Олжас и Я. Книга вторая. — Москва: Художественная литература, 2018. — С. 52–61.
2. Баскаков Н.А. «Слово о Полку Игореве». Памятник литературы и искусства XI–XVII веков. — Москва, 1978. — URL: <http://tochka.gerodot.ru/slovo/baskakov02.htm> (дата обращения: 24.05.2018)
3. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). — Астана: Изд-во "ЦБО" и "МИ", 2009. — 282 с.
4. Боске А. Житель Азии — Сулейменов// Le Monde. 1981. № 11371.21aout, p11.
5. Джусупов М. Пятитомник «Русская поэзия 20 век» и русскоязычные поэты инофоны (на материале творчества О. Сулейменова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — Москва, РУДН, 2013, № 4. С. 10–19.
6. Джусупов Н.М. Концентрация средств выдвижения в поэтическом тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. — № 2. — С. 379–387.
7. Джусупов Н. М. Транслингвальный и транскультурный аспекты стилистического выдвижения в художественном тексте (на материале

- поэзии О. Сулейменова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2017. — № 3. — С. 519–530.
8. Дмитриев Л. А., Творогов О. В. "Слово о полку Игореве" в интерпретации О. Сулейменова // Русская литература. — 1976. — № 1. — С. 257.
9. Красина Е.А. Невидимые тюркизмы в книге Олжаса Сулейменова «Аз и Я» (филологический этюд) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. — № 3. — С. 410–421.
10. Лихачев Д. С. Гипотезы и фантазии в истолковании тёмных мест «Слова о полку Игореве» // Звезда. 1976. — № 6. — С. 203–210;
11. Маркиш Д. Степной ветер легенды // Олжас и Я. — Москва: Художественная литература, 2016. — С. 199–203.
12. Марков С. Карна и Жля // Олжас и Я. — Москва: Художественная литература, 2016. — С. 204–205.
13. Олейник Б. Величальная побратиму // Олжас и Я. — Москва: Художественная литература, 2016. — С. 219–221.
14. Олжас и я. Книга вторая. — Москва: Художественная литература, 2018, 496 с.
15. Олжас и я. — Москва: Художественная литература, 2016. — 448 с.
16. Павлычко Д. Мое слово Олжасу // Олжас и Я. — Москва: Художественная литература, 2016. — С. 229–233.
17. Преображенский С.Ю. О «воображаемой филологии» О. О. Сулейменова // Полилингвильность и транскультурные практики. — 2018. Т. 15. — № 3. — С. 406–409.
18. Робель Л. Минута молчания на краю света! // Олжас и Я. — М.: Изд-во Художественная литература, 2016. — С. 327–328.
19. Сальвень Ф. Поэзия // *Nimonnite dimanche*. — 1981. — № 63.3 avri 16, p.16.
20. Симонов К. В поддержку поэта // Олжас и Я. — Москва: Художественная литература, 2016. — С. 288–291.
21. Сладков А. Не вошедшее в сборник сочинений. Олжас Сулейменов. Аз и Я. — URL: <https://arcadeysladvkov.livejournal.com/2294727>
22. Сулейменов О.О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. — Алма-Ата: Жазушы, 1975. — 351с.
23. Сулейменов О.О. Код слова. Введение в универсальный этимологический словарь «1001 слово». — Алматы, 2014. — 148 с.
24. Сулейменов О.О. Определение берега. Избранные стихи и поэмы. — Алма-Ата: Издательство «Жазушы», 1976. — 456 с.
25. Сулейменов О.О. Пересекающиеся параллели. — Рим – Алматы, 2004. — 102 с.
26. Сулейменов О.О. Тюрки в доистории. — Алматы, 2002. — 319 с.
27. Сулейменов О.О. Язык письма. Взгляд в доисторию — о происхождении письменности и языка малого человечества. — Алматы – Рим, 1998. — 502 с.
28. Глостанова М. Главной его мишенью был европоцентризм // Олжас и Я. Книга вторая. — Москва: Художественная литература, 2018. — С. 415–436.
29. Феномен Олжаса. Сборник материалов, посвященных творчеству О. Сулейменова. — Алматы: Дайк-Пресс, 2006. — 416 с.

References

1. Aujezov M.M. *Olzhas i Ja. Kniga vtoraja*, (Olzhas and I. Book two). Moscow: Hudozhestvennaja literature, 2018, pp. 52-61 (496 p.).
2. Baskakov N.A. «*Slovo o Polku Igoreve*». *Pamjatnik literatury i iskusstva XI-XVII vekov*, ("The word about Igor's Regiment." Monument of literature and art of the XI-XVII centuries), Moscow, 1978, available at: <http://tochka.gerodot.ru/slovo/baskakov02.htm> (May 24, 2018)
3. Bahtikireeva U.M. *Tvorcheskaja bilingval'naja lichnost' (osobennosti russkogo teksta avtora tjurkskogo proishozhdenija)* (Creative Bilingual Personality: Features of the Russian Text of the Author of Turkic Origin) Astana: Izd-vo "CBO" i "MI", 2009, 282 p.
4. Boske A. *Le Monde*. 1981. №11371.21aout, p11.
5. Dzhusupov M. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*, Moscow, RUDN, 2013, No 4, pp.10-19.
6. Dzhusupov N.M. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*, 2018, Vol. 9, No 2, pp. 379–387.
7. Dzhusupov N. M. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*, 2017, No 3, pp. 519-530.
8. Dmitriev L. A., Tvorogov O. V. *Russkaja literature*, 1976, No 1, pp. 257.
9. Krasina E.A. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*, 2018, Vol. 15, No 3, pp. 410-421.
10. Lihachev D. S. *Zvezda*, 1976, № 6, pp. 203-210.
11. Markish D. *Olzhas i Ja*, Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 2016, pp. 199-203 (496 p.).
12. Markov S. *Olzhas i Ja*, (Olzhas and Ya), Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 2016, pp. 204-205 (496 p.).
13. Olejnik B. *Olzhas i Ja*, (Olzhas and Ya), Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 2016, pp. 219-221 (496 p.).
14. *Olzhas i ja. Kniga vtoraja*, (Olzhas and I. The second book). Moskva: «Hudozhestvennaja literatura», 2018, 496 p.
15. *Olzhas i ja*, (Olzhas and I), Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 2016, 448 p.
16. Pavlychko D. *Olzhas i Ja*, (Olzhas and Ya), Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 2016, pp. 229-233 (496 p.).
17. Preobrazhenskij S. Ju. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*, 2018, Vol. 15, No 3, pp. 406–409.
18. Robel' L. *Olzhas i Ja* (Olzhas and I), Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 2016, pp. 327-328 (496 p.).
19. Sal'ven' F. *Himonnite dimanche*, 1981, No 63.3 avri1 6, p.16.
20. Simonov K. *Olzhas i Ja*, (Olzhas and I), Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 2016, pp. 288-291 (496 p.).
21. Sladkov A. Not included in the collected works. Olzhas Suleimenov. Az and Ya, available at: <https://arcadeysladkov.livejournal.com/2294727>
22. Sulejmenov O.O. *Az i Ja. Kniga blagonamerennogo chitatelja* (Az and Ya. The book of the well-meaning reader), Alma-Ata, «Zhazushy, 1975, 351p.
23. Sulejmenov O.O. *Kod slova. Vvedenie v universal'nyj jetimologicheskij slovar' «1001 slovo»* (The code of the word. Introduction to the universal etymological dictionary "1001 words"), Almaty, 2014, 148 p.
24. Sulejmenov O.O. *Opređenje berega. Izbrannye stihi i pojemy* (The definition of the coast. Selected poems and poems), Alma-ata: Izdatel'stvo Zhazushy, 1976, 456 p.

25. Sulejmenov O.O. *Peresekajushhiesja paralleli* (Intersecting parallels), Rim – Almaty, 2004, 102 p.
26. Sulejmenov O.O. *Tjurki v doistorii*, (Türks in prehistory). Almaty, 2002, 319 s.
27. Sulejmenov O.O. *Jazyk pis'ma. Vzglyad v doistoriju – o proishozhdenii pis'mennosti i jazyka malogo chelovechestva*, (The language of writing. A look into prehistory is about the origin of writing and the language of small humanity). Almaty – Rim, 1998. 502 s.
28. Tlostanova M. *Glavnyj ego mishheniju byl evropocentrizm // Olzhas i Ja. Kniga vtoraja*, (The main source of his revenge was Eurocentrism // Olzhas and I. Book Two). Moskva: «Hudozhestvennaja literatura», 2018, s. 415-436.
29. Fenomen Olzhasa. *Sbornik materialov, posvjashhennyh tvorchestvu O.Sulejmenova*, (A collection of materials on the work of O. Suleimenov). Almaty: Dajk-Press, 2006, 416 s.